

Иллюзия любви

Светлана Устелимова

18+

Светлана Устелимова

Иллюзия любви

«Автор»

2024

Устелимова С. Б.

Иллюзия любви / С. Б. Устелимова — «Автор», 2024

Главная героиня романа так хотела быть любимой, что приняла фальшивку за настоящую любовь. От подлости профессионального альфонса может быть очень больно, но еще больнее, когда предают близкие люди. Сможет ли героиня пережить предательство и не сломаться, и не озлобиться? Сумеет ли она понять, кто ей действительно дорог? Найдет ли в себе силы простить? Профессия главного героя определяет то, что в книге много пикантных сцен, описанных довольно скромно.

© Устелимова С. Б., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Валентина. Знакомство с молодым покупателем	5
Валентина. Ужин с дочерью	8
Сашка. Вечер с Толстомясой	10
Валентина. Принципиальный спор	12
Сашка. Пора идти на приступ	15
Валентина. Предвкушение любви	18
Сашка. Крепость пала	20
Сашка. Любимая, проклятая	23
Валентина. Принимая в свое сердце и в свой дом	25
Валентина. Ультиматум домработницы	28
Сашка. Планы, которых нет	30
Валентина. Бывший муж ревнует	33
Сашка. Дырявые ботинки	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Светлана Устелимова

Иллюзия любви

Валентина. Знакомство с молодым покупателем

Сувенирная лавка находилась в центре города на первом этаже старинного купеческого дома, построенного в начале XX веков, незадолго до революции. Дом прекрасно сохранился, но окна в нем осовременили – вставили пластиковые – и они смотрелись чужеродно. Хозяйка магазина Валентина Гаврюшина привезла новый товар. Она доплатила водителю, чтобы он перетащил несколько тяжелых коробок из машины в подсобку, и бегала рядом с ним, подстраховывая: товар нежный, оставишь без присмотра – все переколотят.

Потом помогла Нине Назаровне разобрать коробки. Нина Назаровна – это ее сокровище, Валентина ее бережет и лелеет, другой такой работницы днем с огнем не сыщешь. Гаврюшина приняла ее на работу, когда Нине Назаровне было уже шестьдесят лет с маленьким хвостиком, и опыта в торговле у нее совсем не было.

В тот день Валентина сама стояла за прилавком – такое еще иногда случалось, когда обе ее продавщицы разом «выпадали из обоймы». Но Валентина никогда звездностью не страдала – если надо и за прилавком постоит, даже сейчас, когда у нее уже три магазина. А уж тогда, когда был один, она и подавно не звездила. Впрочем, этот бутик, первый, и сейчас остался самым любимым.

Три года назад в ее магазин зашла пожилая дама с прямыми седыми волосами, собранными в простой хвост, и Валентина с ней случайно разговорилась. Сразу стало ясно, что эта пожилая женщина понимает в искусстве, особенно в прикладном творчестве, что особенно ценно в сувенирном бизнесе. Оказалось, что по образованию эта дама искусствовед, всю жизнь работала в музее, совсем недавно ушла на пенсию. Валентина и предложила ей работу. Женщина очень удивилась, но, недолго думая, приняла предложение.

С тех пор они трудились душа в душу. Нина Назаровна не меньше Валентины любила все эти фарфоровые статуэтки, шкатулки разных мастей – обшитые кожей, деревянные, с инкрустацией, всякие подсвечники, ручные зеркала и другие изящные безделушки. Пожилая женщина умела видеть в них красоту и вдохновенно рассказывала о ней покупателям. Народ наивный такой. Смотрят люди, например, на кофейную чашку и никакой особенной красоты не видят. Им надо сказать: «Очень тонкая работа! Посмотрите, какой изящный изгиб ручки, элегантная и простая форма, благородный перламутровый цвет». Тогда увидят и купят. У Нины Назаровны всегда была хорошая выручка. Валентина сама научилась от нее интересно и красиво рассказывать о своем товаре. Так что общались они друг с другом на одной волне. Дело у Нины Назаровны спорилось, и скоро Гаврюшина назначила ее товароведом, а девушек дала ей в подчинение.

– Валентина Дмитриевна, вы помните, что я на сегодня после обеда у вас отпрашивалась? – напомнила Нина Назарова, когда они оприходовали товар. – У подружки юбилей, мы идем в ресторан.

– Ах да, конечно. Может, не сразу после обеда, а поближе к вечеру? – предложила Валентина.

– Мне еще на маникюр нужно успеть, – категорично ответила Нина Назарова.

– И Кати сегодня нет, – вздохнула Валентина. – Хорошо, я сама поработаю. Народу немного.

Она легко согласилась, потому что всегда охотно проводила время в своем магазине. Что еще делать незамужним женщинам, как не отдаваться работе? И вообще, кому-кому, а Нине

Назаровне она отказать не могла. Попробовала бы она не согласиться! Нина Назаровна сказала бы: «Я пенсионерка, хватит мне моей пенсии, не буду работать. До свидания!»

Валентина улыбнулась, подумав об этом. На самом деле она просто полюбила старушку. У той было двое взрослых детей, но как-то не заладились отношения с женой сына и общались они исключительно редко, а с дочерью тоже был давний конфликт, дочь уехала в другой город и с матерью разговаривала только по телефону. Родители Валентины погибли, когда ей было семнадцать лет. Вот ее и потянуло к Нине Назаровне. Впервые в жизни Валентина подружилась со своей подчиненной. Нина Назаровна была доброй и тактичной женщиной, Валентина ей доверяла. Только с нею могла поделиться чем-то личным, а больше ни с кем.

Нина Назаровна вскоре ушла, и Валентина осталась одна. В магазине было пусто, никаких покупателей. Было всего четыре часа дня, за окном резко потемнело, как всегда бывает в конце ноября, и зажглись фонари. Поздней осенью Валентине становилось почему-то особенно тоскливо. Она посмотрела в темные витрины, и, конечно, ничего не увидела, кроме отражения своего магазина, постояла так, думая о чем то.

Потом встряхнулась и взялась за работу. Покупателей так и не было. Время уже приближалось к закрытию. Она раскладывала товары на полках, когда в магазин вошел молодой человек лет двадцати пяти.

Он поздоровался. Голос, баритон, у него был мягкий, мелодичный, как будто котик мурлычет. Валентина поздоровалась в ответ.

– Вас что-то интересует? – спросила она.

– Да. У моей мамы юбилей, не знаю, что ей подарить...

Молодой человек посмотрел на Валентину. Посмотрел и посмотрел, однако было нечто в его взгляде, что смутило ее. Он смотрел пристальней, чем обычно смотрят покупатели на продавцов, дольше не сводил глаз с ее лица, даже не скажешь, как он смотрел, – медовой, что ли. И глаза у него были синие, с пушистыми ресницами, красивые такие глаза.

Гаврюшина потрясла головой, чтобы стряхнуть с себя это ощущение и начала обыденный разговор: стала предлагать разные сувениры.

– Моя мама статуэтки не любит, это точно не подходит, – сказал молодой человек. – Она называет их пылесборниками.

Валентина предложила ему вазу. Они подошли к стеллажу, на котором стояли вазы – стеклянные, фарфоровые, керамические, хрустальные. Одну за другой Валентина предлагала их покупателю.

Молодой человек вдруг произнес:

– Какие у вас красивые пальцы! – и неожиданно накрыл ее ладонь своею, когда она потянулась за вазой на верхней полке.

Гаврюшина поставила вазу на место и выхватила свою руку.

– Простите, я не хотел вас напугать, – сказал парень. – Просто я хотел помочь и не удержался – руки у вас на самом деле очень красивые.

Валентина молчала, не зная, как реагировать и чего теперь от него ждать.

– Я куплю вот эту! – миролюбиво произнес он и показал на белую вазу в античном стиле, в нижней и верхней части покрытую золотой краской. – Скидочку не дадите?

– Самое большее пятьдесят рублей могу скинуть.

– Тоже деньги! – обрадовался парень.

Он улыбнулся открыто, очень вежливо расплатился и, уходя, сказал:

– Не обижайтесь! Давайте будем друзьями. Меня зовут Александр. А вас?

Валентина колебалась: зачем ей это знакомство?

– Скажите, и я буду знать, что вы простили меня! Без этого не уйду!

– Валентина Дмитриевна! – сказала она, лишь бы он скорее отвязался.

Он забрал вазу.

– До свидания, Валя, – и ушел.

Валентина. Ужин с дочерью

Этот нахальный мальчишка весь вечер не выходил у Гаврюшиной из головы. Он казался ей похожим на артиста, не на кого-то конкретно, а так, в целом, – на артиста: высокий, стройный и смазливый.

Валентина загнала машину в гараж, прошла пешочком до дома, в ближайшем продуктовом приобрела кое-что на ужин.

Нелька, как обычно, в своей комнате слушала музыку.

– Неля, возьми у матери сумки, – крикнула Валентина из прихожей. Нелька неохотно притопала к ней. Валентина передала ей пакеты, сняла уличную обувь и вздохнула.

– Устала я, день трудный был. Ты ела что-нибудь?

– Пиццу.

– Могла бы нормальной еды приготовить. Ты же уже взрослая девочка! Шестнадцать лет. Я в твои годы...

– Всю семью ужином кормила, – перебила ее Неля. – Мама, ты опять! Что ты всегда ворчишь, как бабка старая?

Валентина махнула рукой.

Вечер снова повела на кухне. Готовила она всегда сама. Посторонних в своем доме Гаврюшина не особенно любила, поэтому постоянной домработницы не держала. Была, правда, Лена, которая приходила по пятницам, убирала в доме, стирала, гладила и кое-какие другие хозяйственные поручения выполняла по мере надобности. Но она бывала только раз в неделю, не чаще. Лена была аккуратная, молчаливая, в друзья не набивалась, в отношениях держала дистанцию, и Валентина это ценила.

– Как дела в школе? – спросила Гаврюшина Нельку уже за ужином. – Двоек много нахватала?

– М-а-ама, – Неля чаще всего это слово произносила с одинаковой интонацией – недовольной. – Почему сразу двоек? По географии четверка за контрольную, по алгебре тройка.

– Может, репетитора нанять?

Нелька опять недовольно поморщилась.

ЕГЭ ей предстояло сдавать только в следующем году, и пока совсем не хотелось перегружать мозг.

– Ирина Анатольевна предлагает нам поехать в Крым на фестиваль, – сообщила Неля. Ирина Анатольевна была руководителем танцевальной студии, в которой Неля уже шесть лет занималась.

– И сколько это удовольствие будет стоить?

Неля помялась немножко и призналась:

– Тридцать тысяч за четыре дня.

– Ничего себе, – воскликнула Валентина. – Золотой фестиваль, однако.

– Мама, в эту сумму экскурсии входят, и гостиница, и проезд, и участие!

– Это очень дорого.

– Ма-а-амочка, – протянула Неля. – Хочешь, я у папы попрошу?

– Тут хочешь не хочешь, придется просить. У меня таких денег нет.

С Павлом, отцом Нельки, Валентина развелась всего два года назад. Тяжелый был, болезненный разрыв. Поженились они в юности, еще когда учились в институте, – была у них неземная любовь. Начинали семейную жизнь в общаге. Жили бедно, но весело. Не было у них олигархов родителей, и во всем они рассчитывали только на себя. Павел после института по специальности работать не пошел. Сначала для чужого дяди перегонял машины из Германии. Опасная работа была, каждый раз Валентина богу молилась, чтобы живой приехал. Потом он

стал на свои деньги покупать авто в Германии, пригонять в Россию и продавать, а через некоторое время уже сам стал нанимать людей, чтобы для него пригоняли. У него сейчас несколько автосалонов по всему городу, поднялся мужик.

И все было бы хорошо, но, когда и ему, и Валентине чуть за сорок было (они ровесники), у него вдруг новая любовь вспыхнула к двадцатилетней девушке, менеджером по продажам она была у него в фирме или менеджером по рекламе – Гаврюшина не вникала. Нет, бывший муж Валентину не обидел: и квартиру оставил большую в престижном районе, и машину, а лавку эту сувенирную подарил задолго до развода, чтобы она не скучала, и дочку обеспечивал, и так деньгами помогал, когда попросят. Грех, конечно, жаловаться. А что касается душевной раны, которую он бывшей жене нанес... Что ему боль, которую она испытала от его предательства? Что ему ее разбитые мечты? Это вещи нематериальные. Павел об их существовании догадывался, конечно, и по мере возможности деньгами старался загладить, так сказать компенсировать моральный ущерб, только Валентине от этого легче не становилось. Уж лучше б он совсем исчез из ее жизни. Его бы тогда проклинать можно было, а так, вроде, и не за что: страсть у него проснулась к другой женщине, а к ней вот остыл – бывает такое сплошь и рядом.

Любовь, которую Валентина все годы берегла в своем сердце, оказалась ненужной. Павел выбросил ее, эту Валину любовь, из своей жизни без всяких сожалений, как просроченный йогурт из холодильника. Очень тяжело перенесла разрыв Валентина, чуть с ума не сошла, сдохнуть хотела. До сих пор не совсем отошла, хотя смирилась.

Особенно обидным было то, что – а в наши дни это большая редкость и совсем не модно – Павел был ее первым и единственным мужчиной. Поэтому с другими отношения как-то не складывались.

– Я сама ему позвоню, – сказала Валентина дочери. – Когда ехать-то нужно? От родителей сопровождающие нужны?

– Пусть малыши с сопровождающими едут! А мы сами справимся.

– Да, конечно.

Валентина насмешливо улыбнулась.

– Совсем скоро фестиваль, выезжаем двадцать четвертого декабря, – сказала дочка.

– Ага, дожить надо.

– Куда мы денемся?

Сашка. Вечер с Толстомясой

– Где ты все таскаешься, Сашок? – спросила низким голосом дородная женщина неопределенного возраста: трудно было сказать – то ли ей тридцать пять, то ли шестьдесят, едва Солохин появился на пороге ее дома.

– Конфетка моя, ты скоро узнаешь, – сказал Сашка и потрепал ее по подбородку.

– А это у тебя что? – женщина показала на пакет в его руках.

– Сюрпри-и-из!

– Покажи!

– Не сегодня.

– Нет, покажи! – женщина говорила басом, но вела себя как маленькая капризная девочка.

– Тут кое-чего не хватает. Потом.

Женщина потянула толстую руку. Солохин уклонился.

– У тебя завтра день рождения, завтра и подарю.

– Я теперь не усну от любопытства. Сашенька, покажи.

– Ну ладно, – Сашка вытащил вазу. – Заранее не поздравляют...

– Какая красивая, с золотом!

– Я знал, что тебе понравится.

Еще бы не понравилась – как раз в ее вкусе: большая, мощная и блестит.

Женщина поставила вазу на столик, обхватила Сашку за шею и поцеловала долгим смачным поцелуем.

День рождения у самого Сашки Солохина тоже был недавно – ему исполнился четвертак. Сашка был хорош красотой молодого здорового мужчины и очень обаятелен. А кроме того умен, умен в той достаточной степени, чтобы никто не мог назвать его тупицей. И третье качество, которым он обладал, неизменно привлекательное для женщин, хотя пользоваться им нужно осторожно, – это образованность, иначе сказать культурность, интеллигентность. Солохин был человек культурный, причем так воспитывался с рождения – его родители преподавали в музыкальной школе и общение водили с деятелями искусства, людьми тонкой душевной организации, умными и талантливыми.

В такой среде он вырос, таким был сам, но умел это скрывать, потому что культурностью в обществе нужно пользоваться осторожно – так же, как и умом. Чтобы не показать себя выше других, чтобы окружающие не чувствовали себя рядом с тобой темными и ничтожными. Сашка умел быть культурным в той мере, чтобы это нравилось его клиенткам, очень скромной, честно признаться, мере. Его сегодняшняя клиентка была поклонницей Верки Сердючки – это уже говорит об уровне культуры: он был минимальный. К сожалению, эстетствующие дамы в большинстве своем бедны как церковные крысы, а состоятельные женщины от серьезного искусства, как правило, очень далеки.

Толстомясая, как он называл про себя нынешнюю пассию, содержала его целый год, но становилась все скупее и ревнивее. С огромным трудом, через унижения и подлизывание, ему приходилось выпрашивать у нее небольшие деньги. Из этих денег сегодня пришлось потратить на нее же. Подарки клиенткам тоже было частью Сашкиного бизнеса, обойтись без них хотелось бы, но никак нельзя, – они работали на его имидж, а этот имидж можно было бы охарактеризовать как «мужчина моей мечты».

Правда, двадцать процентов от любой полученной суммы Солохин, как это у него было заведено, сразу же переводил в доллары и размещал на счете в банке или вкладывал в акции и облигации. Он так делал всегда не потому, что очень уж боялся инфляции или дефолта, просто так было меньше соблазна потратить эти деньги. У него была цель – он мечтал накопить много,

накопить столько, чтобы стать независимым, бросить всех своих баб и при этом не работать на дядю. Но дело пока продвигалось медленно.

Толстомясная едва дала ему поест и разнылась:

– У тебя появилась другая! Я это чувствую. Ты больше меня не обнимаешь, не целуешь.

Сашке пришлось вести ее в постель и доказывать свою любовь.

Наконец, женщина занялась домашними делами, а он остался один, включил телевизор – показывали хоккейный матч, но не смотрел, а думал о своем: «Эта, которая была в сувенирной лавке, – явно хозяйка, а не простая продавщица. Она согласилась сделать скидку, пусть символическую, но все же. Надо к ней присмотреться. Как ее там зовут? Валентина, кажется. Она разведена, потому что обручальное кольцо у нее на левой руке. Не уродина, но очень уж обыкновенная, невыразительная какая-то. Ростом мелкая, на вид лет сорок с небольшим. Надо к ней еще подкатить».

Сашка немного отвлекся на хоккей – был напряженный момент, а потом опять погрузился в свои мысли.

«Комплимент этой Валентине понравился, очень хорошо. Она, конечно, за собой ухаживает: одета дорого и со вкусом, одежда ее не старит, идеальный маникюр и совсем немного косметики. Полновата, пожалуй, но многим это нравится, к тому же у полных женщин всегда меньше морщин, чем у худых. Все равно не похоже, что у нее есть поклонник».

Сашка всегда старался произносить небанальные комплименты и по возможности не повторяться: комплименты – вещь серьезная, ответственная, даже основополагающая. Хороший комплимент – половина успеха. Солохин имел такой рабочий принцип: каждой встреченной им женщине уделять сколько-нибудь внимания – аптекарше, у которой покупал презервативы, кондукторше, которой платил в автобусе – никем не пренебрегал. Очень важно, чтобы при воспоминании о нем у них возникали только приятные эмоции. А как иначе? У нас богатых женщин не очень-то и много, особенно в провинции. Одиноких среди них еще меньше. У тех, что богаты и одиноки, очень много желающих разделить их одиночество (и богатство).

В эту минуту нашим забили гол. Сашка вслух высказался по этому поводу:

– Колхозники! Кто ж так играет?

– Что, проигрывают? – заглянула в комнату его мадам. Как ни странно, она тоже интересовалась хоккеем.

– Гол пропустили. Приходи скорей, вместе смотреть будем!

– Сейчас, мой дорогой! – она чмокнула его, сидящего на диване, в макушку и вышла, а он опять вернулся к своим размышлениям.

«У этой, из «Сувениров», недостаток есть – очень уж она малорослая, а поэтому кажется, что у нее слишком короткие и смешные руки и ноги. Бывший муж, наверное, нашел другую, длинноногую», – подумал Сашка и не ошибся, он вообще был очень проницательным для своего возраста.

«А ведь она на меня, кажется, клюнула», – подытожил Сашка свои размышления и больше о Валентине в этот день не вспоминал.

Валентина. Принципиальный спор

Наличными расплачиваются уже редко, можно было бы забирать выручку раз в неделю, а Валентина зачастила: стала приходить в свой любимый бутик за деньгами чуть ли не каждый день. Приходила и задерживалась на некоторое время. И что бы она ни делала: разбирала бумаги, встречалась с поставщиками, растолковывала что-нибудь девочкам-продавщицам, общалась с покупателями, она то и дело поглядывала на входную дверь, а если посетителей было много, все выискивала взглядом кого-то, все ждала.

И он через несколько дней появился – этот молодой веселый красавчик. Ненадолго, минут на пять, забежал, поулыбался, посмотрел синими глазами ласкающе, перемолвился с Валентиной парой слов и снова исчез на некоторое время. Потом опять появился.

«Вот еще что себе напридумывала!» – ругала себя Валентина и все равно повторяла в мыслях: «Кажется, я ему нравлюсь! Я ему нравлюсь! А если не нравлюсь, то зачем это все?» Даже Нина Назаровна заметила: «Этот парень всегда на вас та-а-ак смотрит!» Слово «так» она произнесла очень многозначительно.

При удобном случае Солохин выпросил у Валентины ее номер телефона, теперь иногда звонил, спрашивал, когда ее можно застать в магазине. Ради него Валентина придумала отпустить продавщиц минут за тридцать-сорок до закрытия, чтобы хоть ненадолго оставаться одной. В те дни, когда Сашка обещал заглянуть, Валентина так и делала, и он появлялся, и они оставались наедине. Валентине приносило радость просто видеть его, слышать. Ей казалось, что она опять молоденькая взволнованная девочка, которая ждет свидания. Никто им в это время не мешал и можно было просто разговаривать – просто разговаривать, ничего больше. Они болтали о том о сем, непринужденно, как ровесники, и тогда Саша смотрел на нее...

Вспоминая его взгляд, Гаврюшина чувствовала, что кровь приливает к ее щекам. Он смотрел так, что Валентине казалось, будто он безумно хочет близости с нею – вот прямо сейчас бы, прямо здесь бы, если б только позволила. Валентина не знала, что это часть его работы – испытанный крючок для женщин. Даже самым скромным льстит, когда их так, по животному, хотят.

Впрочем, никаких активных действий Солохин не предпринимал, вел себя деликатно, что очень нравилось Гаврюшиной. Иногда он провожал ее до машины, не более того.

Со второго дня знакомства Солохин стал называть ее на ты, что сначала смутило Валентину. Она прекрасно понимала, что «вы» – это барьер, преграда, дистанция. Ей также не очень понравилось, что Сашка называет ее без отчества – она не привыкла, чтобы так к ней относились.

Валентина не готова была эту преграду в один момент разрушить и по поводу «ты» высказалась.

– Мне не нравится, что ты мне говоришь «ты». Ко мне так обращаются только очень близкие люди.

– Смешная, – ответил Сашка. – Тебе можно обращаться ко мне на ты, а мне нельзя. Несправедливо!

– Я тебе в матери гожусь.

– Да ладно, – вполне искренно ответил Сашка. – Мне двадцать два, а тебе сколько? Двадцать девять? Тридцать? Далеко до мамочки!

Конечно, он льстил, Валентина понимала это.

– Разве женщин о возрасте спрашивают?

Ей вдруг стало стыдно за свои сорок два года и захотелось засунуть их в темный чулан, чтоб никто никогда про них не вспоминал. А потом она подумала: «Саша должен знать правду! И лучше сразу».

– Мне уже сорок два, – грустно призналась она.

– Двадцать лет разницы. Не в моде сейчас такие молодые мамочки, – пошутил Солохин.

Валентина и не догадывалась, что Солохин тоже комплексует по поводу своего возраста и даже сейчас он ей приврал, ведь по паспорту он был старше. В его лжи, впрочем, был меркантильный интерес: молодой человек двадцати двух лет еще имеет законное право нигде не работать, а только учиться. В то же время двадцатипятилетний неработающий мужчина вызвал бы у Валентины или любой другой взрослой женщины подозрения и даже неприязнь.

Валентина не устояла и купилась, как и другие уже не юные одинокие женщины, на Сашкину молодость – самое ценное его товарное качество.

Солохин сумел разговорить не очень-то открытую и общительную Валентину, расположить ее к себе. Валентине было приятно, что Сашка интересуется всем, что происходит в ее жизни сейчас, всем, что было в прошлом, что он постоянно сыплет шутками и не жалеет для нее комплиментов. Она была тронута тем, что молодой человек слушает ее внимательно, запоминает все, о чем она говорила, чтобы через некоторое время спросить, как развиваются события. Хотя о себе он рассказывал неохотно. Валентина списывала это на его скромность и считала скорее положительным качеством. Он сказал ей, что учится в университете на экономиста.

Сашка часто смешил Валентину. Очень забавно пародировал новую жену Павла, которую никогда не видел. Посмеивался над Нелькой, с которой тоже еще не был знаком.

У Валентины не было никакого повода с ним ссориться, но однажды маленький инцидент все-таки произошел. Они серьезно разошлись во мнениях, даже не во мнениях, а в отношении к жизни. По какому-то незначительному поводу Валентина оборонила расхожую фразу:

– Не в деньгах счастье.

– Хорошо говорить красивые слова, когда стоишь рядом с шикарной машиной, и у тебя прекрасный дом, и ты живешь – ни в чем себе не отказываешь! – взвился Солохин, потому что Валентина задела его болезную тему. – А ведь есть такие, как мои родители, – умные, образованные, талантливые, которые за всю жизнь не накопят на квартиру единственному сыну! Особо если живут в маленьком городе. И вообще – честным путем богатства не заработаешь.

Валентина пыталась возразить, собралась что-то промямлить про своего бывшего мужа, но Солохин не дал ей вставить ни слова.

– Деньги – это сила и власть. Все продается и все покупается! Моя мечта – накопить приличную сумму денег и махнуть куда-нибудь, например в США.

– А любовь?.. – пролепетала Валентина, ошеломленная его вырвавшейся злостью.

– Я женщину себе куплю любую. И она будет мне верна, – да! Потому что в ином случае рискует потерять мои деньги.

Валентина не нашла слов для возражений. Будь она мудрее, подозрительнее, принципиальнее, уже после этого разговора прекратила бы всякие отношения с этим молодым человеком, ведь ей стало яснее ясного, что в глубине души он циник, который презирает и ненавидит людей. Жизненный опыт сорокалетней женщины должен был ей подсказать, что Солохин относится к тому типу молодых и не очень людей, которые видят свое счастье в том, чтобы брать от жизни как можно больше, любыми средствами. Ничем не брезгают и никого не жалеют, походя ломают чьи-то судьбы, разбивают сердца. Должен был подсказать, но не подсказал. Вернее, умом она поняла все, но выводов правильных не сделала: к тому времени ею полностью руководило сердце, а не ум. Валентина была полностью очарована Сашкой, ей казалось, что его еще можно переубедить, перевоспитать, объяснить, что в жизни важны другие ценности.

Валентина посмотрела на него с глубокой жалостью. Не осознавая того, она безоглядно влюбилась в Сашку. Он пока не заводил с ней разговоров о любви, но Валентине так хотелось верить, что ее чувства взаимны...

– Под старость, – грустно сказала она, – такие люди не найдут среди близких ни сердечности, ни понимания. У них и близких-то никого не будет.

– Ну, до старости еще далеко, – поспешил Сашка закрыть неприятную тему, взял Валину руку и поцеловал. И Валентина не залепила ему пощечину, и не выгнала вон. А тему денег, богатства, духовного и материального, они больше никогда между собой не поднимали, а потому и не спорили.

Сашка. Пора идти на приступ

В двадцатых числах декабря Толстомяся выставила Сашку за дверь. Несколько банных комплексов, которыми она владела, стали работать в убыток, расплодилось тьма конкурентов. Когда воздушный шар начинает падать, прежде всего избавляются от лишнего груза, это помогает упасть более плавно и не со всего размаху стукнуться оземь. В один прекрасный день Солохину ясно дали понять, что балласт – это он. Его Толстомяся Нимфа завела речь о том, что взрослый здоровый мужчина должен зарабатывать деньги. Тонкостью обращения она никогда не отличалась и всегда говорила в лоб все, что думает. Сашка промолчал, как он привык это делать, но, едва его богиня ненадолго отлучилась, собрал свои вещички, прихватил подаренный ему ноутбук и ушел, не попрощавшись.

Он снова оказался один, свободен, голоден и бесприютен. Такое в его жизни уже случилось – не привыкать. Летом можно было бы к кому-нибудь из приятелей на дачу напроситься, а зимой там делать нечего, если не хочешь замерзнуть. Солохин использовал некую часть своих накоплений, оторвал прямо от сердца, и снял на неделю квартиру. Ему нужно было зализать раны и почистить перышки. Хотя никаких ран то, собственно, и не было: разрыв с Толстомясой не принес ему никаких моральных страданий. Напротив, он почувствовал облегчение – уж слишком его стало воротить в последнее время от этой вульгарной женщины, притворяться ее обожателем становилось все сложнее. Такое уже с ним бывало. Даже если дама (его «коровка») еще не охладела и можно продолжать ею пользоваться, у Сашки будто какой-то внутренний таймер срабатывал: «Хватит».

Некоторое время Солохин раздумывал, в какую сторону теперь направить свои стопы, к чему, вернее к кому, приложить усилия. Помимо хозяйки сувенирной лавки Гаврюшиной, у него еще был один вариант – владелица сети быстрого питания Шиханова. Она была старше Валентины и богаче, а потому перспективнее. Кроме того, она казалась Солохину более самостоятельной и независимой, а Валентина во многом опиралась на бывшего мужа, пользовалась его поддержкой, благо он не отказывал. Но, видимо, Сашка поторопился – полез к Шихановой целоваться, когда она еще не совсем созрела. В итоге получил резкий от ворот поворот. Поэтому в отношениях с Валентиной он решил действовать тактично, хотя тянуть уже было нельзя, иначе у него мог возникнуть перерасход финансов, а бессмысленно расстаться с деньгами, которые накоплены таким трудом, было бы очень больно.

Двадцать пятого декабря, в среду, Солохин отправился в заснеженный парк и стал прогуливаться неподалеку от Вечного огня у памятника «Журавли». Вскоре к памятнику подъехал кортеж машин. Из первой вышла красивая, похожая на принцессу, невеста в белой фате, развевающейся поверх накинутой на плечи белой шубки («Из кролика, что ли?» – про себя отметил Солохин). Жених с глупым счастливым лицом вышел сразу за ней. За женихом и невестой вывалилась шумная толпа сопровождающих. Молодые поставили корзинку с розами у памятника, поцеловались на его фоне, под громкую, неуместную у скорбного мемориала музыку попозировали фотографу и вскоре уехали. Сашку всегда удивлял этот нелепый обычай – привозить свадьбы к военным памятникам, как будто с ними есть какая-то личная, семейная связь.

Абсолютно бессмысленный, по Сашкиным понятиям, ритуал принес ему реальную пользу. Как только свадебная процессия удалилась, молодой человек схватил оставленные на постаменте розы вместе с корзиной. И его нисколько не мучила совесть, что цветы, украденные у памятника, – это практически то же, что цветы, взятые на могиле. С этой корзиной он направился напрямик к своей новой цели – к Гаврюшиной, в сувенирную лавку.

Он стоял на холоде, поджидая Валентину, ветер продувал его насквозь. К счастью, ждать пришлось недолго: Гаврюшина появилась немного раньше, чем обычно.

– Валюшка, это тебе, – Солохин протянул ей корзину с розами, нежно-розовыми, будто сложенные для поцелуя губы юной девушки. – Наверное, я не увижу тебя на Новый год, поэтому поздравляю заранее.

– Как мило! Мне давно мужчины не дарили цветов!

– Ни за что не поверю! – ответил Солохин очень искренне, никто бы и не догадался, что ему это совсем безразлично.

От него не ускользнуло движение, которое Валентина начала и не завершила – она потянулась к нему, чтобы поцеловать в знак благодарности, но на полпути передумала.

«Замечательно! Это мне и нужно!» – отметил он про себя и сказал:

– С наступающим, Валя! – Сашка сделал эффектную паузу, чтобы Гаврюшина подумала, будто он подбирает слова. – Я давно хотел тебе сказать: ты для меня просто идеальная женщина! Я никогда таких больше не видел. Ты необыкновенная! Самая теплая и светлая женщина на Земле!

Гаврюшина зарделась. Женщины на самом деле любят ушами, даже если уши эти уже не первой молодости. Хотя, наверное, дело не в годах, а в опыте. В отношениях с мужчинами у Гаврюшиной опыт был совсем небогатый.

«Бедная старушка, твое сердце дрогнуло, я знаю, – безошибочно определил Солохин. – Тебе так хочется вновь почувствовать себя юной, любимой, начать жизнь с чистого листа. Помоему, самое время».

Солохин взял крохотную руку Валентины в свою – нежно, будто лилию, и прикоснулся к ней губами. Она не сразу отняла руку, и Сашка решил действовать дальше.

– Позволь мне проводить тебя! – умоляющим голосом произнес он.

– Хорошо, – сдалась Валентина. – Погода сегодня хорошая, можно пройтись по городу.

Погоду можно было назвать хорошей с очень большой натяжкой: ветер не прекращался, к тому же небо затянуло тучами, вот-вот должен был повалить снег. Сашке больше бы понравилось, если б они поехали на машине, но он пока не стал предлагать свои варианты – пешком так пешком. До дома Гаврюшиной было полчаса ходу – совсем недалеко. Шли под ручку, чинно, как ходили парочки в двадцатом, а то и в девятнадцатом веке. «Сейчас бы лето, зонтик от солнца даме в руку и мопса на поводке, – с иронией подумал Сашка, – и готова картина «Дама с собачкой».

Валентина неожиданно поскользнулась на дороге, но Солохин успел отреагировать – поддержал ее под локоток. Женщина рассмеялась, глаза у нее заблестели. Посередине пути Сашка остановился и поцеловал ее в накрашенные хорошей матовой помадой губы.

– Милая, как ты красива! – сказал он с придыханием почти прямо в ухо Валентине. Он прекрасно знал, что близкое горячее дыхание почти всегда волнует женщин. В его голосе прозвучало отлично отретпетированное чувство. Вообще-то Солохин не любил целоваться на улице – ни к чему ему было афишировать свои связи, но сейчас, на первый раз, других вариантов не было.

– Сашенька, как ты молод! – вздохнула Валентина.

Валентина не кокетничала и не напрашивалась на новые комплименты, ей правда было грустно, однако с избытком их получила.

– Да, я молодо выгляжу, – наконец согласилась она. – Мне все говорят: маленькая собачка до старости щенок.

– Ты прекрасна! – когда Сашка не знал, что ответить, он свою даму целовал – тоже хорошо работает.

– Расскажи о себе, – попросила Валентина. – Ты так мало говоришь о себе!

– Что обо мне рассказывать? Я бедный студент. У меня ни на что не хватает денег. Я даже не могу купить вина, чтобы поздравить тебя с праздником.

Они уже подошли к нужному подъезду и поцеловались возле него, как школьники. «Ну, пригласи же домой!» – нетерпеливо думал Солохин. Женщина отреагировала почти так, как было запланировано. Она сказала:

– Ах, Саша, ничего не надо. Приходи, пожалуйста, так. Мне будет очень приятно...

«Уж я постараюсь!» – подумал Солохин.

Валентина добавила:

– Нелька, моя дочь, вчера уехала с танцевальным коллективом на фестиваль в Крым, и ее до конца недели не будет.

«Одна дома!» – обрадовался Сашка.

Он был готов прямо сейчас переехать к ней с вещами, но Валентина не торопилась.

– Приходи в субботу вечером. Мы сможем спокойно посидеть вдвоем. Я буду тебя ждать. Задержка Сашке не понравилась, но спорить он не стал, чтоб не спугнуть свою дичь.

– Я приду... Обязательно приду.

– Да, Саша, да.

– Валя, эти два дня я буду думать только о тебе!

Гаврюшина отозвалась: «Я тоже», освободилась из объятий и, окрыленная, вошла в дом.

Сашка посмотрел ей вслед и подумал, что не такая уж она старая. Вернее, для него точно старая, но очень даже могла бы найти мужчину своих лет. Прошло несколько минут, Сашка пошел в сторону своей временной квартиры и подумал не о Валентине конкретно, а так, вообще: «Ох уж эти брошенные, нелюбимые женщины. Летите, как бабочки на огонек, и сами рады обмануться, когда обман обещает надежду. Но новые отношения, которые я могу вам предложить, – это только иллюзия любви, это не любовь». Александр встряхнулся, освобождаясь от ненужной сентиментальности: «Пусть иллюзия, но и она подарит им немного радости. Работа у меня такая. Брошенные женщины – самый благоприятный и податливый материал для человека моей профессии».

Валентина. Предвкушение любви

Два дня Валентина летала на крыльях. Она даже решилась сделать себе наращивание ресниц, о котором давно мечтала, и, конечно, сходила в парикмахерскую, сделала модную стрижку и покрасила волосы. Она вытащила из шкафа полтора месяца назад купленное и ни разу не надетое платье. Валентина смотрела в зеркало и нравилась сама себе: она правда помолодела, но омолодили ее не прическа и не ресницы, а блеск в глазах и постоянная готовность улыбнуться.

Гаврюшина попросила Лену, свою помощницу по хозяйству, сделать генеральную уборку и накупила морских деликатесов.

Дочка позвонила в пятницу по видеосвязи.

– Мама, ты ресницы нарастила? – воскликнула она сразу после приветов.

Вместо ответа Валентина похлопала глазами, красуясь.

– Ну как?

– Классно! А мне не разрешаешь! Я тоже такие хочу!

– Восемнадцать исполнится, и делай что хочешь.

– И подстриглась! И волосы покрасила! – ахнула Неля. – Мама, признавайся, кого ты ждешь?

– Новый год жду, – попыталась уйти от ответа Валентина.

– Не темни! Кто он, твой поклонник? Я его знаю?

– Нет, не знаешь, – наконец сдалась Валентина. – Мы с ним всего месяц назад познакомились. Неля, я пока не хочу ничего о нем рассказывать.

– Нет уж, я все хочу знать. Кем он работает? – дочка у Валентины была настырная. – Может, его в дом опасно пускать? Он точно не мошенник?

Валентина поморщилась недовольно.

– Скажешь тоже.

– Итак, где он работает?

– Неля, ты там крепко сидишь, не упадешь?

Неля поерзала на стуле, глаза у нее заранее округлились.

– Он студент. Он еще учится в университете. Ему всего двадцать два года.

– Мама, ты шутишь?

– Думаешь, я старая перечница и меня не может молодой человек полюбить? – Валентина почувствовала, что требуются еще какие-то оправдания. – Современная косметология творит чудеса. И пластическая хирургия, если что.

У Валентины вырвалось все, что она иногда обдумывала в одиночестве. Ей часто приходило в голову, что такая большая разница в возрасте по нынешним временам не страшит и не кажется непреодолимым препятствием.

– Ничего такого я не думаю, просто странно.

– Неля, он такой... Он нежный и ласковый. Он так ухаживает. Он необыкновенный.

– Лучше, чем папа? – ревниво спросила дочка.

Валентина призадумалась на несколько секунд. Она удивилась тому, что действительно в последнее время ни разу не вспомнила бывшего мужа, а ведь еще совсем недавно не проходило дня, чтобы она не думала о Павле и не плакала. Наконец-то она смогла примириться с мыслью, что они больше не вместе.

– Нет, доченька, наш папа все равно лучший. А этого парня я еще совсем мало знаю.

– Но он тебе нравится?

– А он мне нравится, нравится, нравится! – пропела Валентина. – Нелька, я такая счастливая!

Они примолкли обе. Потом Валентина прервала паузу:

– Ну, а у тебя как дела? Какие результаты второго тура?

– Второе место, завтра будет гала-концерт и вечером мы уже выезжаем домой.

– Я видела в «Инстаграме» видеозапись выступления. Качество, конечно, не очень: все время чьи-то головы в объектив лезут.

– Это Витя снимал, Ирины Анатольевны сын. Он же не профессионал.

– А фотки очень хорошие, – поспешила подбодрить Нельку Валентина. – Шикарно вы выступили. Девчонки молодцы!

– Мне почему-то туфли натерли, я даже прихрамывала. Ты заметила?

– Нет, надо еще раз пересмотреть видео. Почему туфли натерли? Может, нога выросла?

– Мама, я большая девочка, у меня ноги уже не растут.

Они поболтали еще пять минут о мелочах.

– Мама, ты меня совсем не слушаешь! – вдруг обиженно заявила Неля, когда мать ответила ей что-то невпопад.

Валентина действительно не могла ни думать, ни говорить о чем-то другом, кроме предстоящей встречи, но говорить об этом она пока не хотела, чтобы не спугнуть свое счастье.

– Прости, солнышко!

Однако Неля надулась и свернула разговор.

– Завтра созвонимся!

– Целую, доченька!

Только вышла из чата с дочкой, позвонил Александр, Саша, Сашка.

– Привет, Валюшка! Как я соскучился!

– Я тоже.

Он звонил ей по два раза в день, о чем-то спрашивал, и она даже что-то отвечала, но умом не вникала в смысл речей. Она только слышала дорогой голос и таяла, таяла.

Сашка. Крепость пала

В субботу Сашке пришлось разориться на букет и конфеты. Он шел с четкой целью – остаться у Валентины, поэтому прийти с пустыми руками было бы слишком некрасиво, а отношения сразу непременно должны выстраиваться по принципу: «Ах, как он красиво ухаживал!» Женщина должна ощущать себя пленительной героиней чудесного романа со счастливым концом.

Валентина ждала его: накрыла стол в гостиной, сама оделась в блестящее платье, накрасила темным цветом веки, отчего глаза казались огромными. Такой шикарный прием немного напрягал Солохина. В глубине души он предпочел бы, чтобы всем все было понятно, чтобы женщина тоже реально оценивала ситуацию и не обманывалась в отношениях. От девушек-проституток никто же не требует неземной любви, но, даже заведомо зная, что мужчина – альфонс, женщины все равно ждут от него романтического чувства, и Валентина откровенно на такое чувство надеялась.

«Будет тебе любовь, и страсть, и романтика, не проблема! Желания клиента – закон», – подумал Александр, входя в комнату. «Только свечей не хватает, – мысленно съязвил он. – Если уж хотела романтический ужин, могла бы свечи зажечь».

– Боже, какая ты красивая, – восхищение в его голосе было почти настоящим. – Фея, богиня!

Он поцеловал Валентине руку, отметив про себя, какой дорогой на этой руке перстень. Большой прозрачный, искусно ограненный камень был похож на бриллиант. Сашка ничего не спросил, но Валентина перехватила его взгляд и сказала сама:

– Нравится? Это муассанит, очень редкий камень. Говорят, его приносят только метеориты. Хотя в наше время химики, конечно, научились делать искусственный, – она говорила слишком быстро, потому что волновалась и боялась паузы. – Это мое увлечение – самоцветы. Люблю я всякие камушки, могу много рассказывать про них. Как начну, так не остановишь.

– Драгоценные камни – королевское увлечение, – улыбнулся Солохин. – Благородное. Так замечательно открывать тебя с новой стороны.

– Наверное, надо включить музыку... Какую ты предпочитаешь? Современных молодых я что-то и не знаю.

– Что нравится тебе, то и мне.

– И все же?

У Сашки быстро пронеслось в голове: «Так, ей сорок два, значит ее молодость прилась на конец девяностых – начало двухтысячных. Что там пели в девяностые? Нет, пожалуй, еще спутаю с восьмидесятыми». Поэтому вслух он неуверенно предложил:

– Может, классику?

– У меня есть Эннио Морриконе. Как ты к нему относишься?

– Прекрасно! Для сегодняшнего вечера это лучший выбор! («Не Верка Сердючка, это уже хорошо!»).

Они сели за стол. Пока Валентина немножко хлопотала с расстановкой блюд, Сашка озираясь по сторонам, разглядывая обстановку. Видно было, что над дизайном интерьера поработали специалисты. Все было выдержано в одной цветовой гамме и одном стиле. Шкаф-горка был белый с небольшими светло-зелеными вставками; шторы белые впереди и светло-зеленые, с бежевыми кисточками, за ними; диван белый, а на нем зеленые подушки; какие-то белые пуфики тут и там; под ногами однотонный бежевый ковер. В углу стеклянная подставка и на ней большой горшок с зеленым деревом. Накрытый стол тоже был стеклянный. Стеклянные столы Сашка недолюбливал, они казались ему старомодными и непрактичными.

– Как у тебя мило! – оценил Гаврюшин обстановку. – Очень нежный, девичий интерьер.

– Спасибо, – скромно ответила Валентина. – Мы и живем тут две девочки: я и дочка.

Сашка внимательно наблюдал за своей дамой. Он понял, что Гаврюшина не привыкла водить к себе мужчин: она не знала, как себя держать, то и дело брала в руки какие-то предметы со стола, потом клала их назад.

– Предлагаю выпить, – взял инициативу в свои руки Солохин.

– Конечно, – согласилась Валентина. Она подала ему в руки бутылку. – Командуй!

Сашка при помощи штопора ловко вытащил пробку из бутылки и разлил красное вино по бокалам.

– Милая, предлагаю выпить за наше знакомство! Мне трудно представить, как бы я жил дальше, если бы не встретил тебя! («Побольше обожания в голосе!» – скомандовал Солохину его внутренний режиссер).

– За знакомство! – поддержала его Валентина.

Они пригубили вина.

Сашка придвинул свой стул ближе к Валентине, приобнял ее за плечи одной рукой и поцеловал в губы долгим, уверенным поцелуем. «Замечательно, – отметил он. – Она ответила на поцелуй...» Но Валентина оторвалась от его губ.

– Попробуй этот салат, – сказала она, подцепила вилок грибок и протянула его Сашке. Он быстро принял скользкий грибок своими губами.

– А этот, с крабами... – Валентина повторила тот же трюк.

Сашка попробовал и этот, с крабами, а потом мягко забрал у Валентины вилок и положил на стол. Он обхватил женщину руками и жарко поцеловал в губы. Валентина напряглась, он это почувствовал. У Сашки не было цели овладеть ею любой ценой. Ему нужно было, чтобы она сама этого захотела, просто нестерпимо захотела. Он слегка отодвинулся от Валентины и предложил:

– Может, еще по бокалу?

Он надеялся, что от вина Валентина самоконтроль ослабнет, и она наберется смелости.

– С удовольствием.

Сашка снова наполнил бокалы. Выпили еще немного. На Солохина красное вино действовало так же опьяняюще, как компот в школьной столовой, а Валентине после него стало очень весело.

– У меня немного закружилась голова, – произнесла Валентина.

– Нужно пересесть на диван, – Солохин взял ее под локоть и помог переместиться со стула на диван, присел рядом.

Дальше Солохин действовал быстро и энергично, понимая, как трудно Валентине перешагнуть через себя. Если долго тянуть, то в конце концов она почувствует себя распутной девкой, начнет себя осуждать, и все, ничего не выйдет. Он раздел ее и взял. Молодость и здоровье работали на него. Сама Валентина даже опомниться не успела и скорее всего ничего не почувствовала. Теперь надо было стать для нее лучшим любовником. Сашка не дал ей сразу вскочить и убежать. Он лежал, опираясь на свой локоть, рядом, а другой рукой внимательно и нежно исследовал ее тело, тщательно изучая реакции. Само по себе тело, полное, белое, хорошо сохранившееся, вызывало у него примерно столько же сексуальных желаний, как мороженая курица вызывает аппетита. Но он умело скрывал свои эмоции, да Валентина и не смотрела на него. Сашка прикасался к ней, а она изнемогала. Потом был новый акт близости, и Сашка добился того, чтобы женщина испытала взрыв великолепных ощущений.

«Я просто не узнаю сама себя, – сказала Валентина, откинувшись на подушку. – Такого у меня не было с мужем за пятнадцать лет совместной жизни, хотя я его очень любила».

– Я очень рад, что тебе понравилось, – Сашка поцеловал ее шею. «В такие минуты другого вспоминает. Вот дура!» – подумал он.

– Чувствую, что я еще об этом пожалею, – продолжила Валентина.

– Дальше будет только лучше, – Сашка продолжил ее целовать.

Они замолчали. Глаза Валентины были закрыты, но если б она вдруг их открыла, то была бы неприятно поражена тем, как презрительно смотрит на нее Солохин.

Он сам не испытал ничего. «В постели ты должен заботиться в первую очередь о женщине, а потом о себе», – так говорила Инесса.

Сашка. Любимая, проклятая

Инесса совратила Сашку, когда ему было всего четырнадцать лет – совсем мальчишка.

Инесса Павловна преподавала в музыкальной школе, как и Сашины родители. С мамой они дружили, Инесса часто бывала в Сашкином доме. Однажды она пришла за книгами, которые ей друзья передали через маму, и охнула, приподняв сумку:

– Ужас, какие тяжелые! Марина, ты уверена, что здесь только книги? Кирпичей точно нет?

– Выдумашь тоже! – откликнулась Сашина мама.

– Я не донесу, – беспомощно произнесла Инесса и растерянно огляделась по сторонам.

Мама тут же отозвалась:

– Саша, помоги Инессе Павловне донести до дома книги! Она живет от нас в двух кварталах, совсем недалеко.

Солохин находился в том беспокойном возрасте, когда все домашние поручения ужасно раздражают, но ничего не смог придумать, чтобы отказать, и вынужден был тащить тяжелые сумки. Он был высоким для своих лет, крепким и сильным, а Инесса напротив была мелкой и хрупкой. Взрослый мужчина сказал бы про нее: «как девочка», но девочки в Сашкином классе были совсем не такие – крупные, сисястые, громкоголосые, они злобно били портфелями по головам мальчишек, щипавших их за попы. Инесса совсем не была на них похожа: она говорила тихим мелодичным голосом, смотрела ласково и улыбалась не кому-то, а так, вообще, как будто сама себе.

Оказалось, что в Инессином подъезде не работает лифт. Сашке пришлось тащить тяжелые сумки на седьмой этаж. Запыхавшийся и злой, он бросил их в прихожей и хотел тут же развернуться, чтобы бежать по своим делам, но Инесса остановила его:

– Постой! Я должна отблагодарить тебя.

Сашка остановился, но даже не успел подумать, как она собирается его благодарить. Инесса приблизилась, приподняла его лицо вверх и поцеловала прямо в губы – глубоко, сочно, медленно. Мальчишка ничего не мог сказать, он только хлопал глазами. Инесса засмеялась.

– Понравилось? Сейчас будет еще интереснее. Я тебя всему научу.

Она расстегнула пуговицы на его куртке и сняла ее с плеч.

– Молчи, ничего не говори, – тихо прошептала Инесса.

Все случилось быстро. Солохин даже не понял, как это произошло. Инесса получила то, что хотела. Мальчишка вышел от нее выжатый до такой степени, что даже колени дрожали. Он не мог думать ни о чем другом. Это не картинки в журналах, не видюхи в интернете. Честно говоря, он толком даже не рассмотрел Инессу и не мог бы сказать, какие у нее грудь, живот или бедра. Да разве это важно? Она была настоящая живая женщина, с запахом, теплом, голосом. Ах, этот запах – Сашка терял от него голову. Тепло – которым хотелось наполниться. Голос – который дразнил. Любовь ли это была или первая сексуальное влечение, кто же теперь скажет? Только Солохин больше не мог ни о чем думать, никого не хотел больше видеть и при каждом удобном случае бежал к Инессе, а она привечала его. Она играла с ним, как опытная хищница, как кошка играет с мышкой.

Отношения продолжались полгода. Первым что-то заподозрил Сашкин папа. Инесса была у них на мамином дне рождения. За столом было много гостей, Сашка сидел с краю. Ничего неподобающего между ним и Инессой в этот вечер не происходило, не было ни подмигиваний, ни двузначных фраз – все очень достойно, однако отец уловил какие-то флюиды, может его собственный инстинкт самца подсказал? Когда все разошлись, отец подсел к Сашке и спросил:

– Инесса Павловна нравится тебе?

Не ожидавший такого вопроса младший Солохин растерялся и пожал плечами.

– Что ты имеешь в виду?

– Она, конечно, интересная женщина. Женщина, повторю, ровесница твоей мамы.

– Ну и что?

Сашка старался не встречаться взглядом с отцом.

– Я-то думаю, что это ты вдруг у Шишкина не пожелал заниматься, а к ней в класс попросился! Ты в нее влюблен!

– Это здесь совсем ни при чем! – срываясь, крикнул Сашка.

Этого делать не следовало. Папа загорелся в ответ:

– Ты в ее класс больше не пойдешь! Ты закончишь школу у Шишкина!

– Я вообще больше в музыкалку не пойду! Никогда!

Сашка убежал в свою комнату и закрылся там.

Папа не стал посвящать во всю историю маму, чтобы не расстраивать ее, и сам поговорил с Инессой на работе. Когда Сашка позвонил в дверь своей любовницы через день, она сказала, не пустив его на порог:

– Больше сюда не приходи. Между нами все кончено.

И захлопнула дверь.

Сашке казалось, что рухнула вся его жизнь. Музыкальную школу он бросил, хотя все педагоги наперебой твердили, что у него выдающиеся способности, обычную школу закончил кое-как и в семнадцать лет уехал из дома.

Все последующие Сашкины любовницы напоминали ему об Инессе. Всех их он старался убажить и сам при этом почти перестал испытывать удовольствие от секса. Сашка не понял, когда он начал терять интерес к интимной близости. Он заметил только, что радуется, если появляется возможность обойтись без интима.

Валентина. Принимая в свое сердце и в свой дом

Валентина проснулась в мужских объятиях, чего не бывало уже два года после развода. Она лежала, боясь пошевелиться, и рассматривала лицо рядом на подушке – милое молодое лицо со свежим румянцем и длинными ресницами. Одеяло сползло с Сашки, и Валентина любовалась его обнаженным торсом. Ей захотелось провести по Сашкиной коже рукой, но она не рискнула, боясь его разбудить. Но, даже не прикасаясь к нему, Валентина чувствовала, какой он горячий («Интересно, почему мужчины жарче женщин?»). Вдыхала воздух и чувствовала крепкий мужской запах – не запах парфюма, не пота, не табака, а просто – мужской кожи. Она рассматривала его губы – пухлые и алые. Валентина легко, кончиком указательного пальца, коснулась их. Не открывая глаз, Сашка поцеловал ее палец.

– С добрым утром, милый! – сказала нежным голосом, как пропела, Валентина.

Солохин, по-прежнему не открывая глаз, взял ее ладонь и стал целовать пальцы, один за другим.

– Мне пора вставать, – сказала Валентина.

– Зачем?

– Дела, милый.

Сашка обнял ее и поцеловал в губы.

– Но ты еще поспи. Я тихо.

Валентина встала с постели, а Солохин снова заснул. Женщина немножко прибралась в доме, закинула посуду в посудомоечную машину, приготовила кофе. Она двигалась непривычно легко, будто порхала по дому. Ее кожа помнила прикосновения Сашкиных рук, ее губы помнили его поцелуи, она помнила взгляд его синих глаз прямо в ее глаза и поэтому чувствовала себя празднично и весело, как будто ей всего восемнадцать лет.

В половине двенадцатого Гаврюшина оделась и отправилась в гараж за машиной – нужно было встретить Нелю на вокзале и привезти домой.

Нелька была полна впечатлений и щебетала, не умолкая. Она рассказывала о том, в какой гостинице их поселили, куда они ходили на экскурсию, кто был в жюри на конкурсе и бог знает еще о чем. Мать слушала ее, поддакивала, улыбалась, но мыслями то и дело обращалась к чему-то другому.

Уже подъезжая к дому, Валентине позвонил Сашка:

– Валечка, ты где, моя любимая?

– Дочку с вокзала везу, Сашенька.

– Вы скоро будете дома?

– Через десять минут. Мы уже подъезжаем.

– Я накрою на стол, обедать будем.

– Да, мой хороший.

– Неля, у нас гости! – сообщила Валентина дочери, как только отключила телефон.

– Это твой вчерашний? – догадалась девушка.

– Да.

– Я, кстати, звонила Нине Назаровне, спрашивала про него.

Гаврюшина удивленно посмотрела на дочь.

– Ну и что она сказала, мой маленький следопыт?

– Она сказала, что совсем мало его знает, – Неля немножко солгала, ведь после этих слов Нина Назаровна еще добавила, что молодой человек кажется ей несерьезным.

– Неля, пожалуйста, будь с ним вежливой.

– Да что ж я, по-твоему, хабалка какая? Я воспитанная девочка.

– И не ревнуй меня к нему, ладно? – Валентина развернулась и посмотрела в глаза дочке.
– Ты для меня всегда самая дорогая!

– Мама, я думаю, тебе давно надо было найти другого мужчину. Раз уж у вас с папой так сложилось.

Валентина даже онемела на миг. Такой реакции от дочери она никак не ожидала. Ни разу Неля ни о чем таком не говорила, и сама Валентина тоже. Если бы она сама была на месте Нели, то восприняла бы маминого любовника в штыки. Гаврюшина почему-то была уверена, что дочка будет говорить гадости ее мужчине, ревновать к нему, ведь она у родителей одна, так что Нелина реакция ее поразила.

Встреча Нели и Солохина прошла на удивление тихо и мирно, Валентина зря беспокоилась.

– Привет, – Сашка адресовал приветствие девушке, встречая их в прихожей. Мне твоя мама много про тебя рассказывала.

– Зато мне ни словечка про тебя не говорила, партизанка, – сказала девушка. Она посмотрела на Солохина с нескрываемым любопытством.

– Ничего, сейчас познакомимся, – Сашка повернулся к Валентине. – Привет, моя дорогая! Я так долго спал, не слышал, как ты ушла!

Он помог снять Валентине пальто и быстро, не стесняясь Нели, поцеловал.

Солохин чувствовал себя совершенно свободно – как дома: успел принять душ, напился кофе, покурил на балконе и теперь бездельничал – сидел в гостиной и слушал музыку.

– Ну что ж, давай знакомиться, – он протянул Нельке руку. – Александр.

Неля посмотрела на него насмешливо и свою руку подала неохотно.

– Неля.

– Какое красивое имя! – галантно произнес Сашка. – Давай куртку.

– Я сама.

Валентина с улыбкой наблюдала за дочерью. Девочка вела себя прилично, а ведь могла сказать что-нибудь резкое или ехидное – за словом она в карман не лезла. Может, она и правда хотела, чтобы мама свою личную жизнь устроила? И Гаврюшина расслабилась.

Женщина прошла в свою комнату, чтобы переодеться. Солохин последовал за ней. Как только дверь спальни закрылась, он прильнул губами к губам Валентины.

– Потом, – еле слышно сказала она и слегка оттолкнула Сашку от себя.

– Как пахнут твои волосы, – прошептал он, а громко произнес: – Давайте обедать, девочки! У нас столько еды вчера осталось! – и пошел на кухню.

– Спасибо, мамочка. Дочку вчерашней едой встречаешь! – иронично крикнула Неля в ответ.

За столом Неля по привычке привередничала, капризничала, но с радостью набросилась на домашнюю еду и уминала за троих.

– С таким аппетитом тебе надо танцевать по восемь часов в день, чтобы калории сжигать и держать фигуру, – пошутил Солохин.

– Пусть моя фигура тебя не волнует, – ответила Неля довольно резко, потому что вес был ее больным местом, она была склонна к полноте. – Мама, твой гость скоро домой пойдет?

Сашка взял Валину руку и нежно ее погладил. Валя промолчала и просто улыбнулась, ей не хотелось с ним расставаться, не хотелось, чтобы он уходил.

– Я останусь здесь, – решительно произнес Александр. – Да, дорогая?

Он посмотрел на Валентину чуть насмешливо.

Валя, не успев обдумать эту идею, почему-то сразу согласилась:

– Да, мой милый!

– Валечка, красавица, если ты не очень устала, давай съездим за моими вещами! Мне срочно нужно побриться.

Вечером они приехали в его съемную квартиру, и Валентина впервые в жизни отдалась мужчине на чужой кровати. Было в этом что-то очень беспечное, ни к чему не обязывающее, легкомысленное. Оказалось, что такой секс – другой, совсем не такой, какой был с мужем. И ей было весело, хорошо с этим молодым человеком, и она была готова ради него на все.

На обратном пути Александр завел такой разговор:

- Ты сегодня как личный шофер: возишь то одного, то другого.
- Ничего, мне не трудно, – откликнулась Валентина. – Я уже семнадцать лет за рулем.
- Я могу предложить тебе свою помощь. Машины у меня пока нет, но права есть.
- Мое ж ты золото!
- Завтра с утра можно написать на меня доверенность, буду вас катать.
- Если это не помешает твоей учебе...
- Не помешает. Я очень хочу быть тебе полезным.
- Спасибо, мой дорогой. Завтра все сделаем.

Откуда взялась у нее такая беспечность? Как могла взрослая, деловая женщина совсем потерять голову? Что такого этот молодой человек мог ей предложить? Ведь не только секс, хотя секс, конечно, в первую очередь. На эти вопросы, наверное, есть ответы, но Валентина задаст их себе еще не скоро.

Валентина. Ультиматум домработницы

Тридцать первого декабря рано утром прибежала домработница Леночка. Генеральная уборка давно была проведена, квартира сияла, но перед праздником нужно было навести последний глянец. Валентина называла домработницу Леночкой, но это была совсем не девочка, а угрюмая женщина пенсионного возраста, некрасивая, непривлекательная, зато расторопная и аккуратная. Она работала у Гаврюшиной уже четыре года и никогда не совала нос в хозяйские дела.

Сашка собирался на тренировку в спортзал, он только побрился, выходил из ванной и в дверях столкнулся с Леной.

– Доброе утро! – поздоровался он, лучезарно улыбаясь.

– Здравствуйте, – буркнула домработница и собралась войти в ванную, но Солохин ее задержал.

– Давайте познакомимся. Я теперь буду тут жить. Александр Солохин, будем знакомы.

– Елена Михайловна, – ответила женщина и, не слушая, как молодой человек отвечает «Очень приятно», вошла в ванную комнату.

Через пятнадцать минут Сашка собрался и ушел, а Лена заглянула на кухню, где сидела Гаврюшина, собираясь пить кофе.

– Валентина Дмитриевна, можно с вами поговорить? Одну минуту.

Валентина с удивлением посмотрела на нее, поставила чашку на стол и сказала:

– Конечно, Леночка. Что случилось?

– Этот человек правду мне сказал? Он тут надолго? – в лоб спросила Лена.

Она нахмурила брови и посмотрела на хозяйку не очень-то дружелюбно. Валентина хотела выразить недовольство по поводу ее тона, но Лена перебила:

– Извините, для меня это важно. Может, он только в гости приехал? Недельку погостит и уедет?

Валентина даже опешила от такой дерзости.

– Какая тебе разница? Или ты насчет доплаты? Работы больше стало?

– Нет, доплата не при чем. Ответьте на вопрос, пожалуйста. Может, на этом разговор и закончится, и не надо ничего.

Валентина пожала плечами и ответила миролюбиво:

– Трудно сказать, надолго ли он. Хотелось бы, чтобы надолго. Лена, я тебя не понимаю!

– Тогда поставьте везде видеокамеры, – неожиданно потребовала домработница.

– Зачем? – Валентину удивило резко неприязненное отношение женщины к Солохину. Гаврюшина от дочери такого бунта ожидала, но никак не от домработницы.

– У меня недавно подругу обвинили в краже, а оказалось, что виноваты свои, семья, – пояснила Лена. – Если что случится, меня первую подозревать станут. Мне это не надо.

– Да что может случиться, Леночка? Какие кражи? – Валентина расслабилась, когда поняла, почему домработница так нервничает. – Он не вор.

Леночка поджала губы и передернула плечами. Она не стала спорить, но осталась при своем мнении.

– Ты Александру не доверяешь?

– Если вы видеокамеры не установите, я больше у вас убираться не буду, – заявила Лена.

Она исчерпала свой лимит слов за месяц и больше обсуждать ничего не собиралась.

– Раз ты так настаиваешь...

Лена не ответила, только нахмурилась.

– Ладно, к следующей пятнице поставлю.

– И, пожалуйста, никому не говорите, что они у вас есть, – в завершение разговора попросила домработница. – И вам так тоже будет спокойнее.

В начале нового, 2019-го, года в квартире были установлены две камеры, и инцидент был исчерпан. Валентине уступила упрямой домработнице, но никогда не смотрела записи с этих камер – ничего в доме не пропадало.

Сашка. Планы, которых нет

Несколько дней до Нового года у Сашки якобы была зачетная неделя, поэтому он со спокойной совестью оставался дома и был предоставлен сам себе, что он очень любил, но имел довольно редко. Возможность находиться в одиночестве была для него непозволительной роскошью и от него не зависела.

С самого первого дня знакомства Солохин никак не выделял Валентину среди прочих своих клиенток. Она была для него одна из многих – очередная маленькая, скучная станция на пути, по которому летит его экспресс.

Эти два-три дня в конце декабря Гаврюшина не мешала ему наслаждаться покоем – она отсутствовала дома целыми днями, иногда только заезжала пообедать. На следующее утро, сразу после того, как Сашка поселился у Валентины, ей позвонила Нина Назаровна и чуть не плача сказала:

– Валентина Дмитриевна, мы зашиваемся! Очень много покупателей. Ничего не успеваем. Срочно приезжайте на помощь.

Валентина помчалась в свой центральный магазин. Все эти дни, включая тридцать первое декабря, она работала там с утра и до самого закрытия.

У Нельки были каникулы, но она, наверное, только ночевала дома – ее танцевальный коллектив участвовал в каких-то новогодних елках и она каждый день ходила в местный Дом культуры, как на работу: то репетиции у нее были, то выступления. Ей даже обещали заплатить за участие в детских новогодних утренниках, когда они закончатся, то есть после каникул. Вечера Неля с подружками проводила в «Макдональдсе». С Александром они пересекались редко и почти не разговаривали. Сашка чувствовал, что Нелька ему не доверяет, но он и не нуждался в ее доверии. Главное, что Валентина верила ему безгранично.

Солохин просто бездельничал, и ему это очень нравилось. Правда, однажды зашел разговор о том, что он мог бы готовить обеды-ужины. Однако Сашка уже знал по опыту: если согласиться один раз, то скоро это станет его обязанностью, довольно нудной и обременительной, поэтому развел руками.

– Я, кроме бутербродов, ничего не умею готовить. Меня нельзя подпускать к кухне – это будет пустой перевод продуктов.

Так что Валентина по-прежнему готовила сама, иногда заставляла дочку. Но Солохин согласился ходить в магазин, и Валентина стала выдавать ему деньги на продукты. Других денег он в руках не держал, никаких доходов у него пока не было. К счастью, у Сашки еще не закончился годовой абонемент в спортзал. Так что один раз он сходил в качалку – Сашка много внимания уделял своему здоровью и физической форме, как никак это его хлеб.

А больше делать ему было нечего. Пока учился в университете, каждый свободный час был занят развлечениями. У него были приятели, с которыми весело было просто встретиться и погулять по улицам, или потусить у кого-то на хате, или поесть шаурмы в дешевой забегаловке, или покурить кальян, или послушать музыку в тихом закоулке около машины – да мало ли чем можно было заняться в компании молодежи? Но после института дружеские компании стали распадаться. Нет, они по-прежнему изредка чатились в соцсетях, но интересы Сашкиных приятелей стали меняться, а жизненные пути расходиться. Это Сашка чувствовал в последнее время особенно остро.

Он связался с двумя своими лучшими друзьями со студенческих лет: Игорем Левашовым и Сеней Киреевым, предложил встретиться в любимом спортивном баре в центре города. Обычно, если нет никаких трансляций, это тихое место, но перед Новым годом все кафе были забиты под завязку и даже здесь было полно посетителей. Парни согласились не сразу: и у того,

и у другого были корпоративы на работе, да и дома тоже готовились к Новому году – требовалась их помощь. Но все-таки вырвались посидеть маленькой компанией.

– Я ненадолго, – с ходу сообщил Киреев.

– Какая досада! А я своего водителя отпустил, – отреагировал Левашов. Он успешно делал карьеру в крупном банке и недавно обзавелся личным водителем, чем очень гордился.

– Моя Юлька такая нервная стала, жуть, – оправдываясь, сказал Семен. – Даже на пару часов нельзя ее оставить – сообщениями забросает.

– Она беременная, что ли? – предположил Игорь и попал в самую точку.

– А как ты догадался? – удивленно спросил Киреев и сам засмеялся.

– Ребенка завести решили? – Сашка почему-то почувствовал себя смущенным. Ему самому хотелось, чтобы его считали мальчиком, а тут у приятеля, ровесника – ребенок. Хотя не первый, конечно, его ровесник обзавелся потомством, были и другие.

Киреев вздохнул:

– Придется.

– Тогда и жениться надо, – сделал вывод Игорь, который вообще по жизни был очень правильным. Таких любят мамыши невест: целеустремленный, ответственный, у него порядок во всем, в том числе в отношениях.

– Да, мы собираемся. На новогодних каникулах поедem в Чебоксары знакомиться с Юлькиными предками.

– Ну, удачи, тебе, – сказал Солохин.

– Чтобы семью заводить, надо иметь материальную базу. Сколько у тебя денег на счету? – спросил приятель Игорь. Он всегда любой разговор ловко переводил на тему вкладов, финансов, прибыли и тому подобного.

– Нет у меня денег, не накопил пока, – признался Киреев.

– А жить где вы собираетесь? Квартиру в ипотеку брать? – спросил Игорь и, не дожидаясь ответа, перевел разговор на себя: – Я вот недавно сам оформил льготный кредит в собственном банке – кредит для своих. Вложил в квартиру. Построят дом, и можно будет жениться.

– А подружка у тебя есть? – Сашка улыбнулся.

– Пока нет, но за этим дело не станет. А ты так до сих пор от тетушки к тетушке, от бабушки к бабушке порхаешь? – Левашов специально хотел задеть приятеля за живое, не понравился ему вопрос про девушку. – Не надоело?

– Привык я уже. Да и чем плохо? – Сашка не любил, когда друзья заводят этот разговор. – Я тоже скоро на квартиру накоплю, тогда, может, и брошу это дело.

– Тебе надо найти нормальную работу, – сказал Левашов.

– И начать встречаться с нормальной девушкой своего возраста, – вставил реплику Киреев.

– Отстаньте! Я пока не могу себе это позволить.

– Семен, значит, едет с тещей знакомиться на каникулах, – сменил неприятную Сашке тему Левашов. – А мы с коллегами забронировали места в Хвалынском доме отдыха. Поедем туда на лыжах кататься.

– И обсуждать волатильность рубля, – добавил Солохин.

– Язвы давай, – отреагировал Игорь. – У тебя самого-то какие планы?

– Никаких, собственно.

У Солохина не было никаких планов на новогодние каникулы, потому что он снова не принадлежал сам себе и не мог распоряжаться своим временем, а обсудить планы с Валентиной пока не успел.

Сашка вернулся в этот вечер домой, к Валентине, но мысль о том, что пора ему завязывать со своим промыслом, засела у него глубоко в мозгу. Он ни словом, ни взглядом не выдал свои сомнения любовнице. Встретил ее с работы в прихожей, взял сумки.

– Тебе можно такие тяжести? – с участием спросила она.

Дело в том, что за день до этого Солохин заехал за Валентиной в магазин, и она попросила его переставить несколько ящиков с товаром. Сашка не смог ей отказать, но на следующий день очень убедительно разыграл приступ радикулита. Оказание такого рода услуг тоже в его планы не входило. Ему даже самому было немного неловко, потому что Гаврюшина поверила в его болезнь.

Она вообще всему верила, неумная и немолодая женщина. Влюбилась в него как кошка, млела от звука его голоса, таяла от прикосновений. Сашка по-прежнему был с нею ласков и нежен, предупредителен, звонил ей, заезжал за нею на машине после работы, делал ей массаж ног по вечерам и ублажал в постели, а в душе ее презирал, конечно глубоко глубоко в душе, так что она сама никогда бы не догадалась об этом.

Валентина. Бывший муж ревнует

Всегда на Новый год в гаврюшинских магазинах была такая кутерьма: с прилавков сметали все и даже давно залежавшиеся сувениры уходили влет. И всегда Валентина отдавалась этой предновогодней суматохе с радостью, но в этот раз часть ее сознания постоянно была занята другим. Валентина вдруг научилась чувствовать свое тело, потому что оно помнило Его прикосновения, и любое ее движение остановилось осознанным и сексуальным. Временами она беспричинно улыбалась, будто светила изнутри, и все знакомые говорили: «Как ты помолодела!», а кое-кто добавлял: «Влюбилась, наверное». И Валентина ничего не отвечала, потому что все было понятно и так.

Однажды, разбирая товар, Валентина поймала себя на том, что она поет, напевает старомодную глупую песню «Плим-плим-плим-плим, я не ревную тебя». Она поет! А ведь после развода она совсем перестала петь, хотя в молодости была певуньей. Гаврюшина заметила это и тихо рассмеялась.

Тридцатого декабря она ушла с работы пораньше, чтобы проехаться по магазинам и закупить продукты к празднику. Конечно, ее катал по городу ненаглядный. Валентина радовалась, как девочка, покупая вкусняшки. Она расспрашивала Александра:

– Ты любишь оливки? Ты любишь фисташки?

Ей было безумно приятно баловать его, радовать, ей хотелось купить что-нибудь такое, что ему будет очень нравиться, чем он будет играть дома, держать в руках, вертеть, примерять.

Нагруженные пакетами, они приехали домой, со смехом и шутками вошли в квартиру, и на пороге к ним подбежала Неля.

– Мама, мне папа новый айфон подарил! Супер-супер-супер! Девчонки от зависти лопнут!

Следом за ней в коридоре появился Павел.

– Ну что, Валентина, привет, – сказал он и изучающе посмотрел на Сашку.

– Здравствуй, Павел.

Валентина всем видом старалась показать, что совсем не хочет знакомить бывшего мужа со своим молодым человеком, только Пашка ведь упрямый – дочь вся в него! – сделал вид, что ее холодного тона не понимает.

– Я Павел, бывший муж Валентины, – обратился он к Сашке, не протягивая, впрочем, руки.

– Я понял, – ответил Солохин. Он не собирался знакомиться с Павлом.

– Это, я так думаю, твой новый... – Павел обратился к бывшей жене, но не смог подобрать подходящее слово.

– Бойфренд, – подсказала Неля.

Валентина проигнорировала его ехидство – ведь эта заминка была ехидством и ничем иным! – и сказала:

– Паша, ты Неле подарок принес, с дочкой пообщался и можешь быть свободен.

– Мама, ну что ты в самом деле! – воскликнула Неля. – Давайте все вместе чаю попьем.

– Нас чаем не накормишь. Мы не ужинали, голодные как волки. Правда, Саша? – обратилась к Солохину Валентина и улыбнулась ему. В эту минуту она перехватила на себе взгляд Павла и вдруг поняла: «Да он ревнует!» и ей стало смешно. Бывший муж, из-за которого она пролила целое море слез, вдруг показался ей старым, толстым и некрасивым.

– Саша, давай занесем пакеты на кухню. Неля, помоги нам, – попросила Валентина.

Распределили между собой и понесли сумки, свертки и пакеты. Неля не удержала один пакет, он выскользнул, но Сашка ловко, на лету, его поймал, хотя у него самого все руки были заняты.

– Акробат! – оценила его ловкость Неля.

– Ловкач, – презрительно прокомментировал Павел, который вслед за ними пошел на кухню, хотя его туда не приглашали и сумки в руки не давали.

Все промолчали.

Валентина прекрасно видела, что Александру неприятно общество ее бывшего мужа, впрочем взаимно. Она хорошо знала Павла, и ей легко было догадаться, что он может еще гадость какую-нибудь ляпнуть, и это может закончиться скандалом. С Пашкиным темпераментом скандал, чего доброго, перейдет в драку, а он, Павел, покрупнее Сашки и в весе превосходит, еще искалечит парня. На лице у Павла было написано, что у него кулаки чешутся и он очень хочет спустить молодого человека с лестницы. Поэтому Валентина поспешила погасить конфликт, пока он еще не начался:

– Саша, мы с тобой купили все, что угодно, только хлеба не купили. Как мы ужинать будем?

Сашка сам чувствовал неловкость и прекрасно понял, зачем Валентина заговорила про хлеб, он с радостью зацепился за этот повод:

– Я схожу, проблем нет.

– Только в нашем доме не покупай хлеб, он там невкусный. Сходи в тот, дальний магазин.

– Как скажешь, милая, – сказал Сашка Валентине, обнял ее и поцеловал под хмурым взглядом Павла.

Валентина проводила молодого любовника в прихожую, заглянула в свой кошелек.

– Наличных совсем нет. Ну да ладно, вот тебе карточка. – Валентина сунула в руки Сашке дебетовую карточку. – Пароль помнишь?

– Семьдесят шесть девяносто восемь – «старушка и дедок». Не забуду.

Он вышел, Валентина закрыла за ним дверь.

– Дочка, поставь ужин греться, а я посижу немножко, ног под собой не чую, – она прошла в гостиную, удобно села на диване.

Павел потопал за ней.

– Смотрю, ты карточку свою дала этому молодчику.

– Дала-дала, тебе-то что?

– Ежу понятно, что он неспроста к тебе прилип.

Валентина взорвалась:

– Твоя матрешка просто так тебя полюбила, а меня, значит, нельзя просто так полюбить?

– Ты не сравнивай, я все-таки мужчина!

– Вот и катись к своей кукле, мужчина! Что ты меня допрашиваешь? Какое тебе до меня дело? Я, может, впервые в жизни по-настоящему счастлива! Паша, иди по-хорошему.

Валентина высказалась гневно и горячо, она вообще впервые позволила себе излить чувства после развода, ранее из гордости она свою обиду бывшему мужу не показывала и ревела в одиночку. Не ожидавший такого отпора, Павел не находил возражений.

– Мама, папа, не ругайтесь! – крикнула Неля из кухни.

Павел как-то быстро сдался, сказал более мягко:

– Даже если он что-то чувствует к тебе сейчас, это не значит, что он не разлюбит тебя через пять-десять лет, когда он будет в самом расцвете лет, а ты станешь уже совсем старой.

– Зато это будут мои пять или десять лет! Пять или десять лет счастья! – возразила Валентина более эмоционально, чем ей бы хотелось.

– Неужели все эти годы со мной ты была несчастна? – еще мягче, тише и грустнее спросила Павел.

Гаврюшиной совсем не хотелось ворошить прошлое, оно только-только начало ее отпускать.

– Уходи, – тише, но требовательнее сказала Валентина.

– Валя, ведь ты сама из-за него плакать будешь!

– Я взрослая девочка. Я сама знаю, как жить. До свиданья.

В конце концов Павел ушел, а Валентина села в уголок и расплакалась: «А что, если Павел прав и Сашенька совсем меня не любит?» Но потом вернулся Сашка, и оказалось, что хлеба не было и вместо хлеба он зачем-то купил сухарей. И все смеялись, потому что бутербродов на сухарях не сделаешь. И Валентина совсем забыла, что она пять минут назад плакала.

Сашка. Дырявые ботинки

С некоторыми своими клиентками Сашка проводил новогодние каникулы очень весело. В Европу или на острова в теплом океане «мамочки» ни разу его не вывозили, но на юге вместе отдыхали, бывало. И в Турции Сашка с ними загорал, и в Абхазии, и конечно в Сочи. С Валентиной нормального отдыха не получилось. Перед Новым годом у нее в магазине было работы невпроворот, погуляла первого января, и снова полно дел – люди покупают подарки к Рождеству. Так что отметили Новый год дома, «по-семейному». Нельку Валентина впервые отпустила к подружкам на всю ночь, чему девчонка была несказанно рада. Сашке пришлось просидеть всю праздничную ночь у телевизора, будто он старый дед, и при этом изображать неземное блаженство от того, что он может побыть наедине с любимой. Но Солохин смотрел на это философски: ничего не поделаешь, издержки профессии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.